

Кубатура - 2001 - 4-10 окт. - с. 12

“Не хотеть работать – ненормально”

Встреча третья.
Олег Табаков

Зазеркалье.
Авторская рубрика
Зои
БОГУСЛАВСКОЙ

Продолжаем публикацию цикла эссе Зои Богуславской. Олег Павлович Табаков – одна из самых ярких и заметных фигур современного российского искусства: актер, любимый миллионами зрителей, создатель собственного театра, человек, с именем которого сегодня связывают новую эпоху МХАТа. Зоя Богуславская знакома с ним давно, и, хотя, по ее собственному признанию, подлинной открытостью между ними нет, ее пронзительные и точные наблюдения позволяют по-новому увидеть этого невероятно известного в стране человека. Наши читатели ждут встречи с Олегом Меньшиковым, Василием Аксеновым, Аллой Демидовой и другими. Более подробно эссе З.Богуславской можно посмотреть в рубрике “Зазеркалье. Встречи” на сайте www.ozon.ru/zerkalol

Парадокс творческой биографии Олега Табакова – роль Обломова. Актерский шедевр прилепился к человеку, начисто лишённому в жизни обломовских черт. В столь широко прописанном отечественной литературой характере – от голголевского Акакия Акакиевича до толстовского Протасова – жило убеждение, что любое действие, всякая инициатива только приумножат зло в жизни. Табаков – актер и крупный современный деятель театра, реализует убеждение, что лишь активность и инициатива умождают добро. Меня охватило неудержимое желание работать, “не хотеть работать – ненормально” – фразы из его лексикона.

Художественный руководитель МХАТа и Табакерки, педагог в Московской школе-студии, организатор первой и единственной пока в Америке драматической школы (Институт высшего театрального образования и Летняя театральная школа им.К.С.Станиславского при Гарвардском университете), член многих жюри, советов, художественных и нехудожественных, и т.д. и т.п. – рассуждать о возможностях Табакова-руководителя – значит живописать хорошо смазанный, всегда устремленный к цели механизм учреждения, со многими службами и линиями связи.

Однако... Сколько бы должностей и титулов ни умножалось в пресс-релизе Олега Павловича (думаю, самая часто ласкаемая вещь его антуража – мобильный телефон), он по своей сути актер. Актер, как говорится, милостью Божьей, видеть его на сцене, на экране – наслаждение.

“В моей жизни один стержень – театр”, – говорит он. – Я по природе – созидатель, собиратель”. Когда Табакерка станет реальностью, скажет, что мечта его жизни сбылась, у него появился свой театр.

Табаков свое актерское призвание воспринимает как профессию, халтуры не терпит. Его обаяние и мягкость могут обернуться беспощадной волей, когда он примет решение. Болезненно относится к пустым залам, рассчитывая всегда только на успех. Когда результат не соответствует его прогнозам – умеет нанести удар, хотя это дается ему труднее всего. Правда, актерских провалов в биографии Табакова что-то не припоминаю.

Табаков может играть комедию, драму, водеvil, может преобразиться в женщину, в жуликоватого кота Матроскина. Он достоверен в любой театральной условности и документально точен в кино. Широко известен эпизод, когда племянница нациста Шелленберга после “Семинадцати мгновений весны” кинулась к актеру с благодарностью за сходство с прототипом. Преклонение от одной роли к другой происходит без надрыда, рефлексии. Сушествование на сцене, по словам Табакова, для него всегда удовольствие.

Спрашиваю: “А какие персонажи все же даются труднее? К примеру, как готовились сыграть женщину?”

– Честно говоря, никакие роли мне трудно не давались, я люблю заниматься своей профессией, своим делом и, когда здоровье мне позволяет, делаю это радостно и даже, иногда, с восторгом. Вообще, это

веселенькая профессия. Никаких трудностей особых не испытываю и с большой долей юмора и даже сарказма отношусь к рассказам моих коллег о трудностях работы над ролями, о физических и психических осложнениях в этой работе. Женщину играть не более сложно, чем мужчину. Никакой исключительной сложности воспроизведение женщины на сцене да и в кино не представляет. Если ты умеешь делать свое дело, то и женщину с легкостью можешь сыграть.

Сегодня облик Табакова, его голос с характерными эрическими (детскими, женскими, котятными) интонациями, ужимки, способность заразительно смеяться, заходясь от хохота, или хитро прищуриваясь, окидывая собеседника гневным взглядом, спокойно, не поспешая, жевать на сцене – узнаваемы в масках. Его самозабвенно любят зрители и толпа.

– Как боретесь с народной любовью, с повсеместным желанием выпить с вами, стащить на память шарфик, просто поделиться?

– Я с ней не борюсь. Я отношусь к всенародной любви всегда с нежностью, признательностью и уважением. Не могу сказать, что стою на коленях, но уважаю всегда и стараюсь соответствовать. С годами это усугубляется. Нередко, когда на улице со мной здороваются люди, я вспоминаю, что должен соответствовать этому. В моем актерском детстве говорили как о сказке, как о легенде о том, как здоровались с Василием Ивановичем Качаловым. Несмотря на все мое честолюбие, все-таки не могу сравнить себя с Василием Ивановичем Качаловым, а вот чувство ответственности растет с годами. В молодости ждешь этого, мечтаешь о всенародном признании, в зрелости неоднократно оно бывало дискомфортно, особенно в годы длинного романа с Мариной Вячеславовной Зудиной. Но что делать, “человек за все платит сам”, – пишет Алексей Максимович Горький, – за веру, за неверие, за любовь, за ум, человек за все платит сам. И поэтому он свободен”.

В эпоху, когда научились клонировать человека, раскручивать посредственность до звезды, изготавливать искусственные цветы и фальшивые купюры, неотличимые от подлинных, талант – единственная новость, которая всегда нова. Среднего профессионала в искусстве вылепить можно, притвориться Улановой, Качаловым или Эйзенштейном – нельзя.

– Понимаешь, в чем штука, – говорит Олег Пальч, – ведь с нашей профессией как обстоит дело: вот он вышел на сцену, и через две минуты публике ясно – перед ней актер или не актер.

Уже в Современнике было нечто в характере Олега Павловича, что отличало его от коллег. Уже тогда у него проявилось это умение руководить, договариваться с людьми всех уровней иерархической лестницы. Впоследствии помогало “мое пробивное кинолицо”, поясняет он.

В момент ухода Ефремова из Современника во МХАТ, когда он увел с собой некоторых ведущих актеров (что стало невосполнимой утратой, ибо, как оказалось впоследствии, заменить Ефремова нельзя), театру

актерский дуэт с прелестной Мариной Зудиной, женой и артисткой, – все это составные популярности Табакова. Сегодня он – герой и светской хроники.

– Считаете ли себя богатым человеком?

– Богатым – нет, но жизнь своей семьи, своего сына уже обеспечил. Даже если перестану работать. Дважды терял деньги в момент “обвала”. Немалые деньги, которые лежали в банках.

– Если идет речь о новом проекте, для вас сумма играет определяющую роль?

– Деньги для меня явно не на первом месте. Сначала смысл и художественная интересность, манкость того, что предлагается. И уже потом, когда я даю согласие на участие в том или ином проекте, договариваюсь о деньгах.

Олег Ефремов порой называл Табакова клоуном, Анатолий Смелянский – лицедеем. Сам Олег Павлович говорит, что был счастлив, когда стало абсолютно очевидно, что он состоялся как комический артист. В свое время, поставив в школе-студии “Женитьбу” Гоголя, он сказал, что у него с этим классиком “совпадает группа крови”.

– Какую другую страну, кроме России, любите больше всего? – меняю тему.

– Если говорить о душевной идентификации, наверное, это Финляндия. По той простой причине, что, будучи рожденным в средней полосе России, на Средней Волге, в Саратове, где климат континентальный, даже резко континентальный, и попал впервые лет в тридцать на Вологодчину, я понял, что душевно родом я оттуда. Бескрайняя зелень деревьев, ситцевое голубое небо, синяя или свинцовая вода и белый парокход, проходящий по этому квадрату просеки, по которому ты едешь на машине, – это почти райская картина для меня. Я – отсюда родом. И насколько лет подряд работаю в Финляндии, я испытывал абсолютно ту же тихую, нежную радость, растворялся в этом чуде и не мог никак наглядеться. Если же говорить о политкорректности, то в смысле терпимости, – конечно, Англия.

Табаков свободно распоряжается его переговорах с иностранцами, то, как просто он может убедить любого заняться его проектом, и наоборот – как часто граждане других стран отплавливают его, чтобы сделать предложение. Спрашиваю его, откуда знание английского?

– Изучил в школе. Я был влюблен в свою учительницу, и любовь вышла на последний рубеж. Когда я пытался что-то объяснить ей руками, то есть методом пластилинового наложения, она, желая дисциплинировать меня, постоянно повторяла: “Only in English!” – “Только по-английски”, – что заставляло меня изучать этот язык. Английский прибавил в мой судыбе многое. Практически после Второй мировой войны весь мир говорил по-английски. Я не могу сказать, что говорю свободно, вернее, говорю-то я свободно, но не все понимаю. Но все-таки знание языка – это крайне необходимая современному человеку особенность, актер она вдвойне необходима. Владея языком, я за какие-то полчаса сходилась с серьезными мировыми звездами. Речь идет о мой последней работе в кино у режиссера Иштвана Сабо, которая называется “Talking sides”.

На протяжении всей жизни Олег Павлович будет тянуться к молодым, студийным, ощущая “нестерпимую потребность” продвигаться в учениках. Очевидно, в его памяти всегда будет жить юность Современника. Табакерка стала его семьей, к выраженным им актерам он относится с нежностью, скрытой болезненной ревностью и отеческой гордостью. Быть может, потому, что студия далась ему непросто. “Одни отнеслись к моему решению привезти в театр новое поколение как к очередной блажи, а другие расценили, что Табакову это нужно только для того, чтобы спастись от студентами”. Но сам он, Олег Павлович, любит, чтобы зал был полным, не может вынести во МХАТе пустых кресел, не терпит потери времени, в нем всегда бьет ритм того, что он должен. Должен репетировать, должен ехать в офис, на презентацию. Он всегда появляется на торжествах с подарками, шикарным букетом цветов.

Я мало встречала людей, которые держат слово до конца. Даже когда обстоятельства изменились и быть верным обязательствам невыгодно. Он обладает способностью кидаться на помощь, помогать начинающим обустроить жизнь, бедствующим – выжить, что создает вторую репутацию знаменитому актеру, способному быть не только пробивным.

Однажды он выручил и меня. Дело было в Тольятти. После успеха предыдущего фестиваля – наша гастроль должна была открыться вечером Жванецкого.*** За два дня до отъезда Михал Михалыч сказал, что поехать не сможет, причина была сверхважнейшая. Представлю: двухтысячный зал, распроданные билеты... Звоню Олегу Пальчу Табакову в 9 вечера.

– Зойк, – говорит Олег усталым

реально грозил кризис. Из кризиса ценою предельных душевных затрат и первых же режиссерских наскоков его вывела Галина Волчек, по одной из версий, предложенная Табаковым властям в качестве художественного руководителя. Табаков тоже не принял предложения Ефремова, он остался в прежней труппе. Наступил разрыв. Два знаменитых Олега, казалось, нерасторжимо связанные творчески друг с другом, перестали разговаривать, не встречались. Они примирились, когда Ефремов пришел на 100-й юбилей спектакля “Всегда в продаже”. “Он попросил у меня прощения, – рассказывает Олег Павлович в своей книге, – я пролил слезу, и конфликт был исчерпан... Я был влюблен в Олега, он был наш учитель. Ефремов был первым среди нас не по должности, но по любви”. Табаков перейдет во МХАТ годы спустя, когда Ефремов предложит ему блестящую роль.

Нынче Табаков таит обиду на некоторых своих коллег из Современника, которые вычеркнули, назвав “позорными”, шесть с половиной лет его директорства, на протяжении которых он так много сделал для театра. Увы, Олегу Павловичу числили именно эту, спасительную для труппы пробивную силу, умение приспособиться к властям, умение выдерживать “Я был тогда таким “любимцем партии и народа”, – констатирует он, – тем сложней давалась мне жизнь в этом обществе (коллективе Современника), чем более я был обласкан,

течение нескольких десятилетий в его театре на Чапыгина, который он уютно обустроил, с начала 90-х – в жюри премии “Триумф”, где его призрастия и нелюбовь выявлялись наиболее отчетливо, на фестивалях искусств в Москве, Тольятти, Париже, Хельсинки. Здесь наблюдал его “крулым планом” и в подробностях. Совсем недавно представила его на пресс-конференции в новом амплуа: авторский дебют артиста – книга “Моя настоящая жизнь”.** Полгода назад он читал мне первую главу рукописи.

Я – среди тех, кому он позволяет называть себя Леликом, меня, даже на людях, зовет Зойкой. Но подлинной откровенности меж нами нет. Не только потому, что он недосаждаемо знаменит, но и потому, что этот шизоидно открытый Табаков всегда закрыт наполовину, оставляет “вещу в себе”. Думаю, и для самых приближенных к нему. Сидя под портретами основоположников, осыпаю его вопросами.

– Что чувствовали 20 лет назад и что сейчас, выходя на сцену? Есть разница?

– Разницы почти нет. Это всегда радость, подъем, когда физически здоров, в хорошей форме.

– Что предпочитаете – сниматься в кино или играть в театре?

– Кино – это другое, – уклоняется от прямого ответа. – Театр – это живая игра, напротив тебя – зритель, ты его каждый раз обязан убедить в чем-то, заставить поверить, что это происходит единственный раз. А кино – это пятьдесят процентов искусства, пятьдесят – производства. Как ты снимаешься – уже не подраживишь, это застывает, как воск.

– Всегда ли так жалуете рекламу? – спрашиваю.

– Нет. Потому что нет востума доверия. На 98 процентов сегодняшняя наша реклама не соответствует моим представлениям о качестве товара. Будь то реклама художественного события или мужского одежколана.

Не очень-то верю его ответу. Взаимоотношения Олега Павловича со средствами массовой информации довольно гибкие. С одной стороны, он плохо переносит тусовочную болтовню о внезапно появившихся гениях, ложные рейтинги, когда провалы работы выдаются за шедевры. С другой: сам он – один из наиболее частых и любимых персонажей всех СМИ. Недели не проходит, чтобы по ТВ не показывали отрывки из его спектаклей, фильмы с его участием. С годами информационное поле артиста Табакова все расширяется. В его интервью все более проникновенно нащупываются новые аспекты его жизни. Публике становятся известны не только сценические победы, но и жизненные, подчас интимные закулисы его переживаний. Фотографии с женой и сыном, с каждым по отдельности,

тени нескольких десятилетий в его театре на Чапыгина, который он уютно обустроил, с начала 90-х – в жюри премии “Триумф”, где его призрастия и нелюбовь выявлялись наиболее отчетливо, на фестивалях искусств в Москве, Тольятти, Париже, Хельсинки. Здесь наблюдал его “крулым планом” и в подробностях. Совсем недавно представила его на пресс-конференции в новом амплуа: авторский дебют артиста – книга “Моя настоящая жизнь”.** Полгода назад он читал мне первую главу рукописи.

Я – среди тех, кому он позволяет называть себя Леликом, меня, даже на людях, зовет Зойкой. Но подлинной откровенности меж нами нет. Не только потому, что он недосаждаемо знаменит, но и потому, что этот шизоидно открытый Табаков всегда закрыт наполовину, оставляет “вещу в себе”. Думаю, и для самых приближенных к нему. Сидя под портретами основоположников, осыпаю его вопросами.

– Что чувствовали 20 лет назад и что сейчас, выходя на сцену? Есть разница?

– Разницы почти нет. Это всегда радость, подъем, когда физически здоров, в хорошей форме.

– Что предпочитаете – сниматься в кино или играть в театре?

– Кино – это другое, – уклоняется от прямого ответа. – Театр – это живая игра, напротив тебя – зритель, ты его каждый раз обязан убедить в чем-то, заставить поверить, что это происходит единственный раз. А кино – это пятьдесят процентов искусства, пятьдесят – производства. Как ты снимаешься – уже не подраживишь, это застывает, как воск.

– Всегда ли так жалуете рекламу? – спрашиваю.

– Нет. Потому что нет востума доверия. На 98 процентов сегодняшняя наша реклама не соответствует моим представлениям о качестве товара. Будь то реклама художественного события или мужского одежколана.

не очень-то верю его ответу. Взаимоотношения Олега Павловича со средствами массовой информации довольно гибкие. С одной стороны, он плохо переносит тусовочную болтовню о внезапно появившихся гениях, ложные рейтинги, когда провалы работы выдаются за шедевры. С другой: сам он – один из наиболее частых и любимых персонажей всех СМИ. Недели не проходит, чтобы по ТВ не показывали отрывки из его спектаклей, фильмы с его участием. С годами информационное поле артиста Табакова все расширяется. В его интервью все более проникновенно нащупываются новые аспекты его жизни. Публике становятся известны не только сценические победы, но и жизненные, подчас интимные закулисы его переживаний. Фотографии с женой и сыном, с каждым по отдельности,

голосом артиста, только что сыгравшего “Ужин” Ж.-П.Брисвиля, где он весь вечер на сцене, – даже если бы у меня не было завтра дневной репетиции и тысячи других дел, это абсолютно невозможно, потому что с 10 утра – съемки на “Мосфильме”. Ты же понимаешь – группа в сборе, натура стоит, 2 оплаченных съемочных дня.

– Понимаю, – говорю я, ибо возразить мне нечего. – Но если бы ты вдруг нашел выход? Если б смог меня выручить... Подумай, пожалуйста.

– Хорошо, – обрывает Олег, – я подумаю. Сколько у меня времени? – Сутки на решение, выехать можно в день выступления.

В семь утра раздался звонок. Я никогда не забуду этот голос.

– Зойк, мне удалось отменить одну съемку. Вылечу дневным самолетом, после вечера – сразу обратно.

Вечер прошел блестяще.

Спрашиваю: “Известно, что у вас очень развито понятие долга. Бывают ли обстоятельства, при которых оно сметается чувством?”

– Я, пожалуй, только в любви чувство долга сметаю. Все остальное всегда выполняю, даже учитывая особенности, вытекающие из понятия долга.

– Если не секрет, как расслабляетесь?

– Расслабляюсь я в постели или на сиденье автомобиля – очень люблю водить автомобиль, это занятие мне доставляет сплошное удовольствие, радость, особенно быстрая езда. И чтение, конечно, – одно из средств отдыха. Несколько книг, составляющих релаксацию души.

– Если вы видите дерущихся людей – вмешаетесь или предоставите им разбираться самим?

– Если будут обижать ребенка или женщину – вмешаюсь. А так, я вообще-то трус по натуре, постараюсь не вмешиваться.

– Что значит быть мужем молодой, красивой актрисы?

– То и значит – быть мужем молодой, красивой актрисы.

– Как разделяете сферы влияния в вашем доме? Во МХАТе? В Табакерке? Чья верхняя? Выбираете единоначалие или коллегиальность?

– Всегда единоначалие, кроме дома. Просвещенный абсолютизм – это правильная форма правления. Дома, конечно, главой является Марина.

– Любите ли играть на беге, в рулетку, в карты, на бильярде? И т.д. Прогнозируете умеете?

– Да, умею. Прогнозирую регулярно. На беге играть не люблю, в рулетку – умеренно, в карты – не очень. На бильярде вообще не играю. Работая в стражах, где русский язык не является вторым, я имею в виду Венгрию или Финляндию, вынужден был играть с автоматами, потому что, работая дважды в день, очень устаешь, после второй репетиции – особенно. Трудно бывает заснуть, а проигравшись какое-то количество денег, и спишь хорошо.

– Можно любить нескольких женщин сразу?

– Нет. Ничего не получится. Проверено, что я не могу. В моей жизни случалось раза два, но было очень стыдно перед самим собой.

– Если возникает ситуация и надо выбрать: жизнь (свидание, чья-то болезнь, страсть) или искусство (выступление, репетиция, съемки на телевидении), – что предпочтете?

– Вопрос вечный. Актерская профессия – профессия солдатская, требующая дисциплины и исполнения. Холодно – надо играть, грустно – надо играть, умер кто-то из близких – надо играть, но в принципе, если говорить серьезно, то, конечно, выбираю жизнь, хотя никогда работу свою я не подводил из-за жизни. Даже в день похорон матери пришлось играть в спектакле “Большевик”, поскольку в ту пору я был директором Театра Современник, на сцене которого шел этот спектакль.

– Если бы ваши собственные дети совершили поступок, наказуемый по закону, на чью сторону встали бы вы?

– Все-таки встал бы на сторону закона, хотя плакал бы, пытался бы выручить, но в рамках закона до самой последней черты.

В рамках закона Олег Павлович сегодня счел необходимым расследовать в своей книге оба компрометирующих его случая: первый, когда он якобы был против назначения Галины Волчек на роль худрука, и другой, когда будто бы пытался сесть в кресло Олега Ефремова. Он доказал, что это ложь с помощью очной ставки “потерпевших” с крупным властным чиновником.

– А мечта на оставшееся время? – настаиваю.

– Хотел бы знать, сколько времени доведется видеть Пашку (маленького сына). Вот дожить бы, чтобы увидеть, как он вырастет, каким будет. Увидеть Полину (внучку) замужем. Сейчас ей двенадцать.

тени нескольких десятилетий в его театре на Чапыгина, который он уютно обустроил, с начала 90-х – в жюри премии “Триумф”, где его призрастия и нелюбовь выявлялись наиболее отчетливо, на фестивалях искусств в Москве, Тольятти, Париже, Хельсинки. Здесь наблюдал его “крулым планом” и в подробностях. Совсем недавно представила его на пресс-конференции в новом амплуа: авторский дебют артиста – книга “Моя настоящая жизнь”.** Полгода назад он читал мне первую главу рукописи.

Я – среди тех, кому он позволяет называть себя Леликом, меня, даже на людях, зовет Зойкой. Но подлинной откровенности меж нами нет. Не только потому, что он недосаждаемо знаменит, но и потому, что этот шизоидно открытый Табаков всегда закрыт наполовину, оставляет “вещу в себе”. Думаю, и для самых приближенных к нему. Сидя под портретами основоположников, осыпаю его вопросами.

– Что чувствовали 20 лет назад и что сейчас, выходя на сцену? Есть разница?

– Разницы почти нет. Это всегда радость, подъем, когда физически здоров, в хорошей форме.

– Что предпочитаете – сниматься в кино или играть в театре?

– Кино – это другое, – уклоняется от прямого ответа. – Театр – это живая игра, напротив тебя – зритель, ты его каждый раз обязан убедить в чем-то, заставить поверить, что это происходит единственный раз. А кино – это пятьдесят процентов искусства, пятьдесят – производства. Как ты снимаешься – уже не подраживишь, это застывает, как воск.

– Всегда ли так жалуете рекламу? – спрашиваю.

– Нет. Потому что нет востума доверия. На 98 процентов сегодняшняя наша реклама не соответствует моим представлениям о качестве товара. Будь то реклама художественного события или мужского одежколана.

не очень-то верю его ответу. Взаимоотношения Олега Павловича со средствами массовой информации довольно гибкие. С одной стороны, он плохо переносит тусовочную болтовню о внезапно появившихся гениях, ложные рейтинги, когда провалы работы выдаются за шедевры. С другой: сам он – один из наиболее частых и любимых персонажей всех СМИ. Недели не проходит, чтобы по ТВ не показывали отрывки из его спектаклей, фильмы с его участием. С годами информационное поле артиста Табакова все расширяется. В его интервью все более проникновенно нащупываются новые аспекты его жизни. Публике становятся известны не только сценические победы, но и жизненные, подчас интимные закулисы его переживаний. Фотографии с женой и сыном, с каждым по отдельности,

голосом артиста, только что сыгравшего “Ужин” Ж.-П.Брисвиля, где он весь вечер на сцене, – даже если бы у меня не было завтра дневной репетиции и тысячи других дел, это абсолютно невозможно, потому что с 10 утра – съемки на “Мосфильме”. Ты же понимаешь – группа в сборе, натура стоит, 2 оплаченных съемочных дня.

– Понимаю, – говорю я, ибо возразить мне нечего. – Но если бы ты вдруг нашел выход? Если б смог меня выручить... Подумай, пожалуйста.

– Хорошо, – обрывает Олег, – я подумаю. Сколько у меня времени? – Сутки на решение, выехать можно в день выступления.

В семь утра раздался звонок. Я никогда не забуду этот голос.

– Зойк, мне удалось отменить одну съемку. Вылечу дневным самолетом, после вечера – сразу обратно.

Вечер прошел блестяще.

Спрашиваю: “Известно, что у вас очень развито понятие долга. Бывают ли обстоятельства, при которых оно сметается чувством?”

– Я, пожалуй, только в любви чувство долга сметаю. Все остальное всегда выполняю, даже учитывая особенности, вытекающие из понятия долга.

– Если не секрет, как расслабляетесь?

– Расслабляюсь я в постели или на сиденье автомобиля – очень люблю водить автомобиль, это занятие мне доставляет сплошное удовольствие, радость, особенно быстрая езда. И чтение, конечно, – одно из средств отдыха. Несколько книг, составляющих релаксацию души.

– Если вы видите дерущихся людей – вмешаетесь или предоставите им разбираться самим?

– Если будут обижать ребенка или женщину – вмешаюсь. А так, я вообще-то трус по натуре, постараюсь не вмешиваться.

– Что значит быть мужем молодой, красивой актрисы?

– То и значит – быть мужем молодой, красивой актрисы.

– Как разделяете сферы влияния в вашем доме? Во МХАТе? В Табакерке? Чья верхняя? Выбираете единоначалие или коллегиальность?

– Всегда единоначалие, кроме дома. Просвещенный абсолютизм – это правильная форма правления. Дома, конечно, главой является Марина.

– Любите ли играть на беге, в рулетку, в карты, на бильярде? И т.д. Прогнозируете умеете?

– Да, умею. Прогнозирую регулярно. На беге играть не люблю, в рулетку – умеренно, в карты – не очень. На бильярде вообще не играю. Работая в стражах, где русский язык не является вторым, я имею в виду Венгрию или Финляндию, вынужден был играть с автоматами, потому что, работая дважды в день, очень устаешь, после второй репетиции – особенно. Трудно бывает заснуть, а проигравшись какое-то количество денег, и спишь хорошо.

– Можно любить нескольких женщин сразу?

– Нет. Ничего не получится. Проверено, что я не могу. В моей жизни случалось раза два, но было очень стыдно перед самим собой.

– Если возникает ситуация и надо выбрать: жизнь (свидание, чья-то болезнь, страсть) или искусство (выступление, репетиция, съемки на телевидении), – что предпочтете?

– Вопрос вечный. Актерская профессия – профессия солдатская, требующая дисциплины и исполнения. Холодно – надо играть, грустно – надо играть, умер кто-то из близких – надо играть, но в принципе, если говорить серьезно, то, конечно, выбираю жизнь, хотя никогда работу свою я не подводил из-за жизни. Даже в день похорон матери пришлось играть в спектакле “Большевик”, поскольку в ту пору я был директором Театра Современник, на сцене которого шел этот спектакль.

– Если бы ваши собственные дети совершили поступок, наказуемый по закону, на чью сторону встали бы вы?

– Все-таки встал бы на сторону закона, хотя плакал бы, пытался бы выручить, но в рамках закона до самой последней черты.

В рамках закона Олег Павлович сегодня счел необходимым расследовать в своей книге оба компрометирующих его случая: первый, когда он якобы был против назначения Галины Волчек на роль худрука, и другой, когда будто бы пытался сесть в кресло Олега Ефремова. Он доказал, что это ложь с помощью очной ставки “потерпевших” с крупным властным чиновником.

– А мечта на оставшееся время? – настаиваю.

– Хотел бы знать, сколько времени доведется видеть Пашку (маленького сына). Вот дожить бы, чтобы увидеть, как он вырастет, каким будет. Увидеть Полину (внучку) замужем. Сейчас ей двенадцать.

тени нескольких десятилетий в его театре на Чапыгина, который он уютно обустроил, с начала 90-х – в жюри премии “Триумф”, где его призрастия и нелюбовь выявлялись наиболее отчетливо, на фестивалях искусств в Москве, Тольятти, Париже, Хельсинки. Здесь наблюдал его “крулым планом” и в подробностях. Совсем недавно представила его на пресс-конференции в новом амплуа: авторский дебют артиста – книга “Моя настоящая жизнь”.** Полгода назад он читал мне первую главу рукописи.

Я – среди тех, кому он позволяет называть себя Леликом, меня, даже на людях, зовет Зойкой. Но подлинной откровенности меж нами нет. Не только потому, что он недосаждаемо знаменит, но и потому, что этот шизоидно открытый Табаков всегда закрыт наполовину, оставляет “вещу в себе”. Думаю, и для самых приближенных к нему. Сидя под портретами основоположников, осыпаю его вопросами.

– Что чувствовали 20 лет назад и что сейчас, выходя на сцену? Есть разница?

– Разницы почти нет. Это всегда радость, подъем, когда физически здоров, в хорошей форме.

– Что предпочитаете – сниматься в кино или играть в театре?

– Кино – это другое, – уклоняется от прямого ответа. – Театр – это живая игра, напротив тебя – зритель, ты его каждый раз обязан убедить в чем-то, заставить поверить, что это происходит единственный раз. А кино – это пятьдесят процентов искусства, пятьдесят – производства. Как ты снимаешься – уже не подраживишь, это застывает, как воск.

– Всегда ли так жалуете рекламу? – спрашиваю.

– Нет. Потому что нет востума доверия. На 98 процентов сегодняшняя наша реклама не соответствует моим представлениям о качестве товара. Будь то реклама художественного события или мужского одежколана.

* “Несколько дней из жизни И.И.Обломова”. Н.Михалков.
** “Золотая коллекция “Триумфа”, изд. ЭКСМО, 2000 год.
*** См. публикацию “Жванецкий”.